

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРОТИВ ЖЕНСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТАТЬЯ ВТОРАЯ. МЕЖДУ ИУДАИЗМОМ И ФЕМИНИЗМОМ

Одной из особенностей феномена женской израильской литературы является то, что в ней своеобразно и ярко представлено мировоззрение отдельных групп израильского общества. В предыдущей статье¹ объектом исследования стали произведения о жизни специфического для Израиля коллектива – кибуца, в условиях которого задекларированное равноправие полов отбирает у женщины право на женственность.

В израильском обществе существует еще один специфический коллектив, в котором, в отличие от кибуца, есть, казалось бы, все условия для того, чтобы женщина оставалась женщиной и выполняла свое предназначение. Это религиозная община. Непростой женской судьбе в мире ультраортодоксов посвящено небольшое количество художественных произведений, авторы которых, в основном, женщины, знающие эту жизнь изнутри. «Не считая того, что своими произведениями они проливают свет на многие стороны жизни ортодоксальных и ультраортодоксальных евреев, само их появление на литературной сцене свидетельствует о значительном изменении, произошедшем в обществе религиозных евреев» [4]. И если раньше в большинстве случаев их книги производили взрывной эффект в обществе, где на изображение жизни и проблем ультраортодоксальной общины наложено негласное табу², то в последнее время они теряют черты маргинальности, приобретая особенности, хотя и нового, но естественного для израильской культуры явления. Предпосылками для этого становятся как непростые процессы, определяющие отношения религии и государства Израиль³, так и феминистское движение, своеобразно повлиявшее на традиционное мировоззрение. Следует отметить неоднозначность этого влияния. С одной стороны, можно говорить о появлении «феминистской критики иудаизма», с другой – о возникновении религиозного (ортодоксального⁴ и неортодоксального⁵) феминизма.

Все эти предпосылки раскрепостили писательниц и позволили вслух заговорить о жизни женщины в коллективе, где она, вынужденная или сознательная праведница, выполняет предназначение, которое определил для них маскулиный мир.

И не имеет значения, где живет еврейская писательница: в Америке, Франции, Канаде или Израиле. Жизнь женщины внутри религиозной общины не зависит от географического положения, так как закреплена еще в давние времена библейскими и талмудическими текстами, увековечившими в религиозном сознании представление о необходимости дискриминации женщины, маргинальности ее статуса, отстранения ее от общественных дел и ее униженного положения. Важно, какое отношение имеет автор произведений к этой общине и названной проблеме. Поэтому в данной статье рассматриваются произведения не только израильских писательниц.

Светских авторов в жизни ортодоксов интересует в первую очередь внешняя сторона, и редко какое произведение обходится без «клубнички». Особенно это характерно для израильского кино⁶, где фильмы о жизни харедим⁷ не редкость.

Другое дело писатели, которые знают жизнь ультраортодоксальной общины изнутри. Используя свои знания о жизни религиозных евреев, они в своих произведениях дают внутреннюю оценку ортодоксальности. Среди серьезных писателей-ортодоксов, творчество которых интересно читателям, так как оно проливает свет на различные стороны жизни харедим, называют Еудит Ротем, Хану Бат Шахар и др. Литература для этих авторов, обладательниц престижных израильских премий, одна из немногих возможностей поведать о личном опыте верующей женщины, покинувшей религиозный мир, но не отказавшейся от веры. Обогащенные опытом дважды «избранной» (принадлежать избранному на безоговорочное выполнение 613 божьих заповедей народу и избранной на безмолвное выполнение придуманного для нее частью этого народа женского предназначения), писательницы стремятся создать образ свободной женщины, верящей в Бога и уверенной в своих человеческих и женских правах. А это прямой путь к феминистской критике иудаизма.

Произведения писательниц из мира харедим, ощутивших на себе тиранию традиции, – вызов религиозному фундаментализму, определившему женщине роль второго плана, но вызов не лишенный феминистского налета. В то же время очевидный успех книг обусловлен не только необычностью темы (что касается литературных приемов, избалованный израильский читатель, тем более литературовед, сумеет легко найти в них отпечатки многих влияний), но и отсутствием заманчивой феминистской заангажированности. Можно сказать, что их творчество определяют

существующие в раввинистической литературе две, если следовать выводам Таль Илан⁸, параллельные традиции: «одна видит в женщине субъекта действия, повышает ее статус, позволяет ей исполнять заповеди и иметь права, другая – из тех же сюжетов женщину вытесняет, оценку ее понижает, роль нивелирует» [3]. Но в мире ультраортодоксов в целом правит андроцентричная, патриархальная и мизогинистичная традиция, потому основной темой произведений этих писательниц остается тяжёлая женская доля в мире харедим.

Творчество Наоми Раген наиболее показательно в этом отношении, тем более, что «американская по происхождению и языку писательница, которая живет в Израиле» и знает весь спектр проблем, разрывающий мир харедим изнутри, почти не изменяет избранной теме и пишет в жанре «дамского романа». Женская судьба представлена в ее книгах разнопланово. Сначала добродетельные героини страдают от условностей и жестокости религиозного мира и непробиваемости мужчин («Дочь Ифтахы» «Jephthe's Daughter», 1989), подвергаются соблазну («Блудница» – «Sotah» (Cota), 1992), насилию («Жертвоприношение Тамар» – The Sacrifice of Tamar, 1995), но не теряют своей добродетели.

По мере осмысления женской доли писательница отказывается от стандартного образа праведной жены. В ее романе «Субботняя жена» (The Saturday Wife, 2007) – жесткой сатире, переходящей в гротеск, на мир харедим – главная героиня Далила, имя которой в еврейском сознании обречено на негатив, ассоциируется не столько с библейским образом, сколько с Эммой Бовари Флобера⁹ и Бекки Шарп из «Ярмарки Тщеславия» Теккерея. Возможно, потому возникает ощущение, что писательница определенно сочувствует своей героине, далекой от добропорядочности и нравственности. Далила, глупая, лживая, недобродетельная, привлекательна своим стремлением прорваться сквозь тотальный контроль религиозных предписаний и самостоятельно решить свою судьбу. Финал романа остается открытым. Не известно, сумеет ли героиня воспользоваться своим правом на свободный выбор? И есть ли он у нее вообще?

В пьесе «Миньян нашим» («Женский миньян» – «Women's Minyan», 2001) Наоми Раген более решительна, почти как ее героиня, сумевшая вырваться за пределы бесправного для нее мира религиозной общины, где чувства женщины унижены, раздавлены, оскорблены многочисленными изменами «благочестивого» мужа, способного даже вступить в связь с мальчиками и совершить насилие над собственной сестрой, где ее представления о честности разрушены тем же мужем, обокравшем и ее, и ее подругу, где ее лишают статуса матери и запрещают общаться с детьми, уже считающимися ее преступницей и грешницей.

Писательница уже в предыдущих романах оказывается перед опасностью потерять необходимое для разрабатываемой темы равновесие между правдой, художественным вымыслом и конъюнктурой, но умело лавирует между ними. Здесь же, видимо, поддавшись конъюнктурному соблазну, на угоду феминизму Раген наполняет пьесу не просто рассказами о страданиях религиозных женщин, а ужасами, нагромождение которых вызывает неприятное ощущение искусственности, не имеющей ничего общего с художественным вымыслом. Сама постановка пьесы, с одной стороны, способствует этому [14], с другой стороны – спасает произведение («Актрисы играют замечательно, постановка и декорации хорошие») [14], неоднозначно воспринятое и критиками, и зрителями [14].

Несмотря на неоднозначность восприятия пьесы, она позволяет увидеть изменения, произошедшие в сознании и положении женщины. Безусловно, современный иудаизм максимально мизогинистичен, но именно он своими предписаниями открыл путь феминизму в религиозной среде, увеличивая обязанности женщин. Ортодоксальные раввины после образования государства Израиль ограничили обязанности мужчин изучением Торы: «Изучающий Тору – снимают с него ярмо (власти) царства и ярмо (власти) общества» [12]. Женщинам остается работать и обеспечивать семью и мужчин. Чтобы работать, надо было осваивать профессии, учиться. И возникает парадоксальная ситуация – ультраортодоксальные женщины стали образованней мужчин. Более того, они и физически намного сильнее и выносливее «сильного пола». Ведь они тянут на себе домашнее хозяйство, воспитывают детей, работают, часто – полный день и т.д. Героиня пьесы Наоми Френкель, посвятившая свою жизнь борьбе за выживание семьи в прямом и переносном смысле, интеллектуально и морально выше своего эгоистичного и деспотичного мужа. Она заявляет о своем праве матери, дарованном ей свыше, предопределенном религиозными законами и защищенном гражданскими правами. Само название произведения – уже вызов мизогинизму ультраортодоксального мира¹⁰. Но очевидное нагнетание ситуации (от названия к впечатляющему прологу¹¹, а затем нагромождению все ужесточающихся преступлений мужа), хотя и оправдано поставленной писательницей целью и отвечает задачам радикального феминизма, воспринимается как явный феминистский перебор.

В религиозном мире не все так однозначно. Например, в «национально-религиозном лагере нравы куда современнее, чем у ультраортодоксов» [5]. Эта среда свободна от гиперконтроля фун-

даменталистской общины над жизнью людей. В этой среде действует особая модель израильского феминизма, которая предполагает социальную востребованность и активность женщин при условии сохранения предписанного Торой образа жизни – выполнения роли жены, матери большого семейства, преданного законам иудаизма. Благодаря израильскому законодательству, неплохому образованию в религиозных школах для девочек, возможности получить высшее образование и в дальнейшем работать по специальности, «социальная активность женщин не вступает в противоречие с традиционным жизненным укладом» [6, 50]. При всем том «для многих ортодоксов замужество – главный, а то и единственный критерий женской состоятельности» [5]. Не удивительно, что на устройстве личной жизни в национально-религиозном обществе сосредоточено внимание писательниц, которые сами принадлежат к этой среде. Поисками семейного счастья озабочены героини книги Рахель Лэнгфорд «Разыскивается принц на белом коне» [15]. Но устройством этого счастья они, как и все женщины, принадлежащие к религиозному лагерю, самостоятельно не занимаются, так как это считается неприличным, даже немыслимым. В их среде предпочитают шидух (сватовство). Из рассказов о неудачных попытках «свиданий вслепую», из которых состоит значительная часть книги, напрашивается вывод – чем «образованнее и успешнее религиозная женщина, тем труднее ей найти мужа» [9]. Умным, хорошим, интересным девушкам Рахель Лэнгфорд не везет с замужеством, так как они оказываются заложниками ортодоксального общества, предоставив другим решать, что им подходит.

В книге журналистки Софьи Рон-Мория «Десятый жених» [16] героиня, разведенная женщина, ищет не просто мужа, она ищет любовь, но также отдает себя в руки профессиональной свахи и попадает в анекдотические ситуации. Ирония, с которой пишет об этом автор, и действия героини подчеркивают, что жизнь шире религиозных предписаний, а личная история легко остается в границах Галахи¹², которые шире ортодоксальных рамок.

В своих произведениях писательницы прямо (Софья Рон-Мория, Рахель Лэнгфорд) или опосредованного (Наоми Раген) говорят о возможности сочетания феминистского мировоззрения с патриархальным жизненным укладом и соблюдением религиозных традиций, тем более что это образ их жизни. Сквозь феминистские выпады, направленные против мизогинизма ультраортодоксального мира, в произведениях ясно проступает главная цель женщины – выйти замуж: она хочет уютный дом и много детей. Патриархальная религиозная традиция готова предоставить ей все это в обмен на свободу проявления женского и шире – человеческого Я, установив диктат над личностью, утвердив тотальный контроль над частной сферой: организацией замужества, репродуктивной сферой, воспитанием детей, гендерными отношениями (произведения Наоми Раген). И даже в среде маргинальных ортодоксов – религиозных сионистов («кипот сругот», «вязаных кип»), ориентированных на светскую культуру, женщина, хотя и восстает против древних требований Галахи, вынуждена им подчиняться (произведения Софьи Рон-Мория, Рахель Лэнгфорд). Дина, героиня романа «Десятый жених», соглашается на унижительный, по светским понятиям, шидух, так как убеждена, что мать-одиночка «никогда не сможет занять достойное положение в обществе» [9], а стабильность и уверенность ей может дать только мужчина.

Светских писательниц в жизни религиозных женщин в первую очередь интересует – оправдывают ли главную цель жизни средства ее достижения и условия существования в религиозной общине. Моделируя жизнь харедим, они или идеализируют или демонизируют ее. Архитектоника романа канадской писательницы Мириам Бодуэн «Хадасса» [1] позволяет автору избежать этих двух крайностей. При наличии четырех частей роман распадается на две сюжетные линии. Определенный ритм создает чередование глав о закрытом мире религиозной школы для девочек и глав о взрослом мире, в которых смоделирована судьба замужней религиозной иудейки, влюбленной в продавца в бакалейном магазине. Светская школьная учительница, попав в этот закрытый мир с интересом постигает его. Ее восхищает трепетное отношение воспитанниц к образу жизни, который ведут они и их родные, как серьезно они готовятся повторить судьбу своих матерей, сестер, тетушек. Она пытается понять, как можно соединить это детское восхищение своим женским будущим с теми религиозными предписаниями, которые вступают в противоречие с человеческой природой¹³. У нее на глазах зарождается и разворачивается любовь ее друга поляка Яна и ортодоксальной замужней еврейки Дворы. Женщина, выданная замуж по всем законам религиозной общины, а значит за незнакомого, а чаще и нелюбимого человека, пытается стать хорошей хозяйкой дома, женой, матерью. И хотя внешне она выполняет все предписания¹⁴, душа ее рвется из строго очерченного для нее круга, утверждающего женскую дискриминацию¹⁵. Лишенная любви («Сначала женятся, а любят потом» [1, 123]), имеющая право только на обязанности («никогда не отказывать мужу после ритуального омовения, хранить чистоту семейных отношений, соблюдать шабат, молиться и ожидать первого ребенка, дарованного Богом» [1, 123]), она стремится к невозможному для замужней религиозной женщины праву на счастье – любви и свободному выбору.

Мириам Бодуэн дарует своей героине шанс, но оставляет финал открытым. Рассказав о законах, регулирующих жизнь женщины в ультраортодоксальной общине, она заставила свою героиню переступить их, но не решилась показать, что с ней будет дальше.

В современных произведениях, где представлены женские судьбы в ортодоксальных общинах, открытые финалы не редкость. И это понятно. Жизнь разрушает патриархальные стереотипы, закрепленные в библейских и талмудических текстах, оправдывающие высокий социальный статус мужчин и низкий – женщин. Идеи равенства проникают сквозь границы религиозного мира. Вопрос только, насколько и как ими воспользоваться. В жизни феминизм в религиозных иудейских кругах, живущих в соответствии с законами Торы, в первую очередь проявляется в борьбе за социальную активность женщины при условии сохранения привычного ей стиля жизни. «Социально поддерживаемые израильские стереотипы «женского счастья» неоконсервативны. Наряду с финансовой независимостью, успешной карьерой и социально значимым статусом, женщине, чтобы ощущать себя полноценной, необходима семья: постоянный партнер и дети» [6, 50]. Религиозный коллектив, утверждающий неизблемость семейных устоев, на первый взгляд, поддерживает в женщине то, что в ней заложено изначально – ее заботу о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом, но на самом деле разрушает эту первозданность, установив тотальный контроль и строгую регламентацию ее жизни, опутав непосильным грузом предписаний, лишаящим ее права свободно развивать в себе дарованную ей свыше женскую природу. Именно этот аспект становится центральным в произведениях израильских, шире – еврейских, писательниц, потому что женская природа и психологически, и физиологически – в способности давать жизнь и в способности любить. Для свободного ее проявления женщине остается только вырваться за пределы закрытого коллектива (киббуца или религиозной общины), контролирующего и регламентирующего ее жизнь.

Примечания

- 1 Шулык П.Л. Коллективное сознательное против женского бессознательного в израильской женской литературе. Статья первая. Женское равноправие без права на женственность (израильская литература о киббуцной модели женского равноправия)/ Шулык П.Л.// *Наук. пр. Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 36.* – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2014. – С. 314-320.
- 2 Речь идет о политическом и социальном status quo, определяющим отношения между секулярным и религиозным сообществами в Израиле
- 3 Как указывает Авицер Равицкий: «В последние годы в израильском обществе возникла напряженность в отношениях между религией и государством, между сакральным и профанным, между законами Галахи и свободой личности и между партикуляризмом и универсализмом» [8, 83]
- 4 Для ортодоксии очевидно, что феминизм следует рассматривать наравне с патриархальной традицией «как проявление Бога», и потому «феминизм не враг традиции, а вызов для нее, испытание и стимул к развитию», который поможет «сформировать новый духовный взгляд на роль женщин и шире задействовать их в теологической и практической сферах религиозной жизни, сохраняя вместе с тем неразрывную связь с... галахической историей» [10].
- 5 Для представителей неортодоксального религиозного феминизма (консервативное, реформистское, реконструктивистское течения) важно утверждение права женщин на изучение Талмуда, на выбор еврейских религиозных профессий и равноправия обеих полов как в теории, так и в практике иудаизма [11].
- 6 Например, фильм «Секреты» (Израиль, 2007, режиссер: Ави Нешер).
- 7 Харедим (ед.ч. хареди) – название и, в некоторой степени, самоназвание общины строго соблюдающих заповеди ортодоксальных евреев в Израиле. Название представляет собой сокращение слов «*харедим ли-двар Гашем*» (трепетно относящиеся к словам Всевышнего). Харедим часто называются «ультраортодоксальные евреи» или «ультраортодоксы».
- 8 Таль Илан – PhD (Еврейский университет в Иерусалиме), специалист по еврейской истории и гендерным исследованиям, профессор Института еврейских исследований Свободного университета Берлина, приглашенный лектор Йельского, Гарвардского и др. университетов. Автор более 40 научных статей и 5 книг.
- 9 Сама Наоми Раген говорит, что характер Далилы вдохновлен этим образом [13].
- 10 *Миньян нашим* – женский миньян. Миньян – это группа молящихся вместе взрослых евреев (исключительно мужчин) числом не менее десяти. Как видим, по определению женского миньяна быть не может.
- 11 «Пролог. На сцене стоят в ряд десять стульев. На каждом лежит полный комплект одежды для женщины-хареди. Одна за одной заходят десять актрис в обычной одежде – джинсах,

кофточках и т. д. Каждая встает за стулом» За сценой мужской голос читает религиозные предписания для женщин, в том числе, как она должна быть одета. «Во время этого монолога актрисы снимают свою светскую одежду (под одеждой у них черные сценические комбинезоны). Мужской голос: Скромность одежды – это не вопрос личного выбора. Скромность детально регламентирована в еврейском законе. Женщина не должна носить мужской одежды. Она не должна носить ничего вызывающего или кричащего. Никаких вышивок, аппликаций и надписей. Обтягивающие модели строжайше запрещены как противоречащие самому духу скромности. Она не должна носить ярких цветов. Красный это цвет похоти, а похоть приводит к грехам. Джинсовая ткань и кроссовки не подходят для тех, кто стремится к скромности. Согласно инструкциям, актрисы переодеваются в одежду хареди. Они делают это скромно, так, чтобы ничего не обнажать. ... Актрисы заканчивают переодевание и поднимают руки над головой, когда об этом заходит речь. Мужской голос: Самая строгая интерпретация гласит, что рукава должны доходить до ладони. Та, что носит такие рукава, достойна похвалы. Однако разрешается носить рукава ниже локтя. ... Шея...Актрисы ощупывают шею...может быть обнажена. Границы шеи проходят в следующих местах. Должно быть закрыто место, где шея переходит в плечо, ключицы и все что ниже, первый шейный позвонок и, все, что ниже. Чулки...Актрисы надевают чулки ... обязательны для ношения. Наши мудрецы написали, что нога должна быть закрыта от колена до стопы. Для тех, кто строго соблюдает, тонкие, прозрачные чулки, не подходят. Запрещено ходить без чулок даже у себя дома. Актрисы проверяют длину своих платьев. Мужской голос: колени должны быть закрыты всегда, и сидя, и стоя. ... Актрисы покрывают волосы. Мужской голос: замужняя женщина должна покрывать волосы платком или париком, согласно обычаю своей общины. Актрисы переодеты каждая в свой костюм» [7].

¹² «ГАЛАХА́ (הַלָּאָה, халаха; мн. число הַלָּאָה, халахот), нормативная (в отличие от Аггады) часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев. В более узком смысле – совокупность законов, содержащихся в Торе, Талмуде и в более поздней раввинистической литературе, а также каждый из этих законов (*халахот*) в отдельности» [2, 7].

¹³ «Я свернулась под периной, сжалась и заткнула ладонями уши. Бат мицва. Двенадцать лет. Нехам Франк, Перл Монхейт, Юдис Фаркас, Сими Райхер, Сури Ицкович, Эстер Кругер, Хани Шувакс. Основная группа. Резервная группа. Правила. Бат мицва, праздник, когда становятся взрослой в один день. Бат мицва, помогать маме и больше не прикасаться к куклам. Законы кухни, запрет на свинину и кровь животных при приготовлении блюд. Разделять молочные продукты и мясные, различать хозяйственные принадлежности, существуют два набора посуды, приборов, кастрюль, одни – для молока, другие – для мяса. Когда достигаешь двенадцати лет, надо все знать назубок. Постоянно следить, чтобы мясные и молочные продукты не соприкасались, не были разложены на том же месте, чтобы их не готовили одновременно и не ели во время одной трапезы. Быть хорошей поварихой, помнить расположение каждой вещи в доме. Научиться стоять около мужчины во время кидуша, вечерней молитвы в шабат, быть готовой подать бокал вина, кусок хлеба, нож, вышитую салфетку, соль, уметь ухаживать за отцом так, как придется ухаживать за мужем. Заботиться о детях, наказывать их и развлекать, оберегать от холода. С двенадцати лет девочки становятся девушками на выданье и должны вести себя, как женщины, им надо быть всегда привлекательными, супружество надвигается, шадхан ищет мужа для нас, понемногу мы начинаем носить украшения, но жемчуга и духи разрешены лишь после шестнадцати лет. Существуют три основных мицвот, чтобы быть хорошей еврейской девочкой: готовить халу, хлеб шабата, зажигать свечи в пятницу вечером, чтобы принять королеву Субботу, и содержать дом кошерным. Когда девочка становится бат мицва, это означает конец начальной школы и начало долгой подготовки к замужеству, но прежде всего, и это главное, – окончательный разрыв с неевреями. Больше никаких долгих разговоров с ними. И в школе, и вне ее» [1, 78-79].

¹⁴ «...да исполню я Твой закон, да буду верна Твоим заветам. Да не поддамся я искушению греха, соблазна и да не заслужу презрения. Да не овладеет мною пагубное желание. Подчини мою воле Твоей, храни меня от грешников и плохих друзей...» [1, 93].

¹⁵ «Муж рожден из земли, а женщина из кости. Благоухание нужно женщинам, а не мужчинам: пыль земли не портится, тогда как для сохранения мяса нужна соль. Резок голос женщины, но не мужчины: нежное мясо варится в тишине, но стоит положить кость в котелок, тут же слышится треск. Мужчина легко успокаивается, а женщина – нет: несколько капель воды достаточно, чтобы смягчить ком земли, тогда как кость остается твердой, даже если мочить ее в воде целыми днями. Мужчина должен просить женщину стать его женой, а не наоборот, потому что он пострадал от потери ребра и ему надо вернуть утраченное...» [1, 60].

Список использованной литературы

1. Бодуэн Мириам. Хадасса / Мириам Бодуэн. – М. : Текст, 2010. – 219 с.
2. ГАЛАХА // Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим, 1982. – Том 2. – Кол. 7–16.
3. Гарт Давид. Женщина в неблагоприятных дискурсивных обстоятельствах [Электронный ресурс] / Давид Гарт– Режим доступа : <http://booknik.ru/ideas/all/jenshchina-v-neblagopriyatnyh-diskursivnyh-obstoyatelstvah/>
4. Исраэль Стив. Роль женщины в израильском обществе [Электронный ресурс] / Стив Исраэль // Заметки об израильской культуре. Глава 13. Гендерные роли: меняющаяся роль женщин – Режим доступа : <http://jafi.org/JewishAgency/Russian/Education/Jewish+Life/Culture/Israel/13.htm>
5. Карпова Марина, Левин Евгений. Уж. Замуж. Невтерпеж [Электронный ресурс] / Марина Карпова, Евгений Левин. – Режим доступа : <http://booknik.ru/reviews/fiction/uj-zamuj-nevterpej/>
6. Овчинникова И.Г. Особенности феминизма в Израиле: политика, культура, язык / Ирина Германовна Овчинникова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 5 (11). – 2010. – С. 48 – 57.
7. Пьеса Наоми Раген «Миньян женщин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.machanaim.org/wp_blog/pesa-naomi-ragen-minyan-zhenshhin/
8. Равицкий Авицер. Религиозные и секулярные евреи в Израиле: культурная война? / Авицер Равицкий / Перевод с английского Н.Б. Кондыревой // Созидание еврейского будущего / Под ред. Бернарда Лайтмана и Майкла Брауна. – Москва – Иерусалим : Мосты культуры, 2001. – С. 83-108. – Режим доступа : <http://hedir.openu.ac.il/kurs/politic/ravitzky.html>
9. Римон Елена. О книге Софи Мориа-Рон [Электронный ресурс] / Елена Римон // Иерусалимский журнал. Журнал современной израильской литературы на русском языке. – № 33. – 2010. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/ier/2010/33/ri.html>
10. Рос Тамар, Гельман Йехуда. Влияние феминизма на еврейскую ортодоксальную теологию [Электронный ресурс] / Тамар Рос, Йехуда Гельман / Перевод – Хана Ар-Шалом; редакция – Пинхас Полонский. – Режим доступа : <http://machanaim.org/philosof/feminism/t-ros.htm>
11. Феминизм + иудаизм = справедливость. Интервью с профессором Джудит Хауптман [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://booknik.ru/context/all/feminizm-iudaizm-spravedlivost/>
12. Шендерович Хана. Бунт ультраортодоксальных феминисток [Электронный ресурс] / Хана Шендерович. – Режим доступа : <http://relevantinfo.co.il/бунт-ультраортодоксальных-феминисток/>
13. Шульман Нелли. Ярмарка тщеславия [Электронный ресурс] / Нелли Шульман. – Режим доступа : <http://booknik.ru/reviews/fiction/yarmarka-tshcheslaviya/>
14. Энтова Ася. Ворчание Иа-иа по поводу подарков ко дню рождения [Электронный ресурс] / Ася Энтова. – Режим доступа : <http://asya.rjews.net/raznoe/041014-teatr.shtml>
15. 2009 . לנגפורד רחלי. דרוש נסיך על סוס לבן / רחלי לנגפורד . – הוצאת חלונות/גוונים, 2009.
16. 2009 . סופיה רון מוריה. החתן העשירי / סופיה רון מוריה . – חלון: הוצאת אופיר, 2009. – 358 עמודים.

***Анотація.** Стаття продовжує цикл, у якому досліджується творчість ізраїльських письменниць, де відбився світогляд окремих груп ізраїльського суспільства. У центрі уваги – жіноча доля у світі ультраортодоксальної общини. Твори письменниць, що відчували на собі тиранію традиції, – феміністський виклик мізогінізму, релігійному фундаменталізму, що визначив жінці роль другого плану. Для вільного прояву своєї натури жінці необхідно вийти за межі закритого колективу, що контролює і керує її життям.*

***Ключові слова:** харедим, ультраортодоксальна община, фемінізм, мізогінізм, релігійний фундаменталізм.*

***Summary.** The article continues the cycle of the articles in which the works of Israeli female writers are analysed, and where the worldview of some groups of Israeli society is presented distinctively and brightly. The focus is the uneasy female fate in the world of an ultra-orthodox collective where a woman – forcedly or willingly righteous – fulfils her predestination determined for her by the masculine world.*

The works of the women-writers from Heredi world who have felt the tyranny of the tradition themselves are a challenge for the religious fundamentalism, which has prescribed women the supporting part, but a challenge not devoid of feminist flare. They directly (Sofia Ron-Moria, Rachel Langford) or indirectly (Naomi Ragen) speak about the possibility of combination of feminist worldview with patriarchal lifestyle and observance of religious traditions. The main goal of a woman – to get married (she wants a cosy home and many children) – shows in these works through feminist

foins aimed at misogyny of the ultra-orthodox world. Secular writers are primarily interested in one aspect of religious women's lives: whether the means of achieving the main goal and the conditions of life in a religious community justify the end. Creating a model of Haredi life they either idealize or demonize it. The religious community that ensures the firmness of family foundations supports notions fundamental in a woman – her care for her posterity, her husband, and her community in general – on the surface; but in fact ruins this primordialness through setting a total control and strict regulation of her life, binding her with the unbearable burden of directions that deprive her of her right to develop the God-given female nature freely. This aspect is central in the works by Israeli – and more generally Jewish – female writers, as female nature both psychologically and physiologically lies in the ability to give life and the ability to love. The only chance for a woman to manifest it freely is to break outside the limits of the closed community, which controls and rules her life.

Key words: *Haredi, ultra-orthodox community, feminism, misogyny.*

Отримано: 25.07.2015 р.

УДК: 811.161.2'24

Юрченко О.В.

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ІСТОРИЗМІВ У ФОРМУВАННІ КОНЦЕПТОСИСТЕМИ ПРИРОДНИХ РЕАЛІЙ НИЖНЬОЇ НАДДНІПРЯНЩИНИ (НА МАТЕРІАЛІ ТВОРЧОСТІ ВІКТОРА ЧАБАНЕНКА ТА ЯРА СЛАВУТИЧА)

Серед актуальних питань українського мовознавства останнього десятиліття особливе значення має виокремлення поетичних концептів на позначення природних реалій, важливість якого спричинена докорінною зміною ставлення суспільства до довкілля, екологічними проблемами, новими засадами державотворення, а відтак і специфікою національного мовомислення, пошуком ментально обумовлених компонентів семантики у мовній картині світу.

З'являються праці, присвячені опису мовно-ментального світу українців, зокрема В. Чабаненка "Порожистий Дніпро" (2008), де автор висвітлює географічні координати, етимологію, історію, фольклорні та літературні джерела образності основоположних природних реалій Нижньої Наддніпрянщини – *Дніпра, Великого Лугу, Хортиці, порогів*; О. Єфименко "Концепт *степ* в українській мові: словникова, текстова і психолінгвістична парадигма" (2005); І. Дишлюк "Лексико-семантичне вираження концепту *природа* в поетичній мові Ліни Костенко" (2002); та інші. Але лінгвокогнітивні особливості відображення світу природи в мові творів нижньонаддніпрянських авторів, взаємодія архаїки і сучасності як засіб стилістичного увиразнення та мовно-естетичної категоризації поетичних концептів, ще не були предметом окремого дослідження.

У формуванні концептосистеми "природні реалії" архаїчна лексика має потужний зображально-виражальний потенціал, який дає можливість збагатити поетичні образи і надати їм різних емоційних відтінків. *Темою* статті є семантико-стилістичний потенціал історизмів у творчості Віктора Чабаненка та Яра Славутича. Вибір названої теми зумовлений інтересом до проблем розвитку словникового складу української мови, зокрема вивчення процесів архаїзації лексики, особливостей функціонування застарілих слів у поетичному мовленні.

Незважаючи на значну кількість мовознавчих розвідок у галузі дослідження експресивних функцій історизмів та архаїзмів, слід відзначити відсутність цілісного аналізу, де б спеціально тією чи тією мірою висвітлювалися ці проблеми у творчості сучасних нижньонаддніпрянських авторів, зокрема при вивченні образних, символічних та концептуальних значень *Дніпра, Хортиці, степу* засобами застарілої лексики. *Метою* статті – виявити і проаналізувати склад, семантико-стилістичні особливості застарілих слів у художній творчості Віктора Чабаненка та Яра Славутича, обґрунтувати експресивно-стилістичну значущість цих одиниць у загальній структурі концептосистеми «природні реалії» Нижньої Наддніпрянщини.

Переважає більшість застарілих лексем зосереджена в колі семантики концепту *степ*. І це не випадково, адже степ є своєрідною картиною світу нижньонаддніпрянця, що асимілює в собі військову доблесть скіфа-степовика і мудрість та розважливу вдачу хлібороба з його прадідівськими селянськими чеснотами. Напр.: *Хоч перед смертю посмакую хліба, Який старанно я весь вік робив, Успадкувавши звичаї дуліба, Чи від володарів трипільських нив Любов до поля, що п'янить, як липа. Свій вік я різно у житті прожив, Та не бував без жита чи пшениці, Чи без коржа, вертуту й паляниці* [4, 62].